

Федор Буслаев

**Римская вилла кн. З. А.
Волконской**

Федор Иванович Буслаев

Римская вилла

кн. З. А. Волконской

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18957195

Аннотация

«Переношусь с своими воспоминаниями в Рим, чтобы в подробности познакомить вас с римской виллою княгини Зинаиды Александровны Волконской. Мне давно хотелось заняться этим предметом, но за недосугом я не мог тогда же исполнить своего намерения. В виду современного разрушения старых построек „вечного города“ и сооружения новых, можно опасаться за судьбу и виллы княгини Волконской. С весны 1875 года я уже не посещал Рима и не знаю, существует ли еще эта прекрасная вилла и не стерли ли ее с лица земли нынешние неугомонные перестройщики и вместе с тем разрушители „вечного города“. Если ее уже нет совсем, или она попорчена до неузнаваемости, то мое описание получит цену исторического свидетельства о небольшом клочке римской почвы, который внес наш национальный элемент в историю „вечного города“...»

Содержание

I	7
II	20
III	27
IV	42
V	46

Федор Буслаев

Римская вилла

кн. З. А. Волконской

Переношусь с своими воспоминаниями в Рим, чтобы в подробности познакомить вас с римскою виллою княгини Зинаиды Александровны Волконской. Мне давно хотелось заняться этим предметом, но за недосугом я не мог тогда же исполнить своего намерения. В виду современного разрушения старых построек «вечного города» и сооружения новых, можно опасаться за судьбу и виллы княгини Волконской. С весны 1875 года я уже не посещал Рима и не знаю, существует ли еще эта прекрасная вилла и не стерли ли ее с лица земли нынешние неугомонные перестройщики и вместе с тем разрушители «вечного города». Если ее уже нет совсем, или она попорчена до неузнаваемости, то мое описание получит цену исторического свидетельства о небольшом клочке римской почвы, который внес наш национальный элемент в историю «вечного города».

Увлекаясь разнообразием множества крупных интересов, путешественники, посещающие Рим, вовсе не обращали внимания на виллу княгини Волконской. Даже пресловутый указатель Бедекера говорит об этой вилле в немногих словах и в неточных выражениях, которые занесены в указатель, по-

видимому, с тою только целью, чтобы путешественник не тратил времени на посещение этой виллы. Вот и вся заметка:

«Вилла княгини Волконской. – Налево от здания, прилегающего к Святой Лестнице (Scala Santa) за тремя аркадами водопровода, подходим к вилле кн. Волконской. Посреди прекрасного сада виллы протекает по водопроводу так называемая Вода Клавдиева (Aqua Claudiana); там же находятся различные фрагменты античных памятников архитектуры. Сверх того, здесь же открыт колумбарий или усыпальница времен первых римских императоров. С плоской крыши небольшого казино открывается, особенно при закате солнца, прелестный вид на равнину Кампании и на горы».

Полнейшая недостаточность этой заметки о вилле княгини Волконской заключается в словах: «Там же находятся различные фрагменты античных памятников архитектуры». Повсюду в Риме так много всевозможных античных фрагментов, что об этом голословно не стоит и упоминать, и никто из путешественников, прочитав эти строки, не догадается, что главная суть дела состоит не в архитектурных обломках, а в тех надписях по-русски и по-французски, которые сама княгиня Волконская начертила на этих антиках в память своих русских друзей и некоторых иностранных знаменитостей, которым была обязана лучшими часами своей жизни.

Что же касается до заметки Бедекера о прекрасном ландшафте, то она относится к внешнему виду на расстилаю-

щуюся далеко за высокими городскими стенами Кампанию вплоть до Сабинских гор. Но подобными же ландшафтами можно любоваться и со многих других пунктов «вечного города», например, с Латеранской площади, находящейся в соседстве с виллою княгини Волконской, с Авентинского холма, с высот Яникула, даже, на римском форуме, с вершины трех абсид, уцелевших от Константиновой базилики.

Неудивительно, что русские и иноземные путешественники между множеством разнообразных, ошеломляющих на каждом шагу, всемирных достопримечательностей забывают о какой-то маленькой скромной вилле, имеющей интерес только по симпатичной личности русской княгини, которая ее соорудила и изукрасила.

I

Именно с характеристики этой личности я начну мой рассказ, пользуясь отчасти книгою г. Мордовцева: «Русские женщины нового времени. С.-Петербург, 1874» и произведениями самой княгини Волконской на русском языке, изданными за границей под названием: «Сочинения княгини Зинаиды Александровны Волконской. Париж и Карлсруэ. 1865».

Княгиня Волконская была дочь обер-шенка князя Александра Михайловича Белосельского, по матери родного племянника графов Чернышевых; мать ее из рода Татищевых.

Княжна Белосельская рано лишилась матери, которая умерла в 1792 г. в Турине, где жила с мужем, занимавшим место русского посланника. Оставшись на попечении отца, малолетняя княжна всем своим дальнейшим развитием обязана личным его заботам.

Она вышла потом замуж за князя Никиту Григорьевича Волконского.

Возвратившись из-за границы в Россию, она поселилась в Москве, где и жила в богатом доме брата своего у Тверских ворот, в доме, который она сумела обратить в настоящую академию наук и искусств. Впоследствии это здание принадлежало богатому негоднику Малькиелю; потом оно служило помещением для театральной школы, основанной

актером Федотовым при содействии князя Голицына, графа Салиаса и графа Соллогуба, приходившегося племянником автору «Тарантаса».

Все, что было лучшего в русской литературе, с особым почтением окружало высокоталантливую княгиню Волконскую.

Пушкин, под влиянием обаяния этой женщины на всех окружавших, пишет ей свое знаменитое послание при посвящении поэмы «Цыганы»:

Среди рассеянной Москвы
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы,
Ты любишь игры Аполлона.
Царица Муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком.
И вьется, и пылает гений...
Певца, плененного тобой,
Не отвергай смиренной дани:
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

(1827 г.)

Вот куплеты, сочиненные на день рождения княгини Зи-

наиды Волконской, в понедельник 3-го декабря 1828 года, в Москве, кн. П. А. Вяземским, Е. А. Баратынским, С. П. Шевыревым, Н. Ф. Павловым и И. В. Киреевским:

Друзья! теперь виденья в моде.

И я скажу про чудеса:

Не раз явлениями в природе

Нам улыбались небеса.

Они нам улыбнулись мило,

Небесным гостем подаря:

Когда же чудо это было?

То было третье декабря!

Вокруг эфирной колыбели,

Где гость таинственный лежал,

Невидимые хоры пели,

Незримый дым благоухал.

Зимой весеннее светило

Взошло, безоблачно горя.

Когда же чудо это было?

То было третье декабря!

Оно взошло, и звезды пали

С небес высоких – и светло

Венцом магическим венчали

Младенца милое чело.

И их сияньем озарило

Судьбу молодого бытия.

Когда же чудо это было?

То было третье декабря!

Одна ей пламя голубое

В очах пленительных зажгла
И вдохновение живое
Ей в душу звучную влила.
В очах зажглось любви светило,
В душе – поэзии заря.
Когда же чудо это было?
То было третье декабря!
Звездой полуденной и знойной,
Слетевшей с Тассовых небес,
Даны ей звуки песни стройной –
Дар гармонических чудес.
Явление это не входило
В неверный план календаря,
Но знаем мы, что это было –
Оно – на третье декабря.
Земли небесный поселенец,
Росла пленительно она,
И что пророчил в ней младенец,
Свершила дивная жена.
Недаром гениев кадило
Встречало утро бытия:
И утром чудным утро было
Сегодня третье декабря.
Мы, написавши эти строфы,
Еще два слова скажем вам,
Что если наши философы
Не будут верить чудесам,
То мы еще храним под спудом
Им доказательство, друзья:

Она нас подарила чудом –
Сегодня, в третье декабря.
Такая власть в ее владенье,
Какая Богу не дана:
Нам сотворила воскресенье
Из понедельника она,
И в праздник будни обратила,
Весельем круг наш озаря:
Да будет вечно так, как было,
Днем чуда – третье декабря!

Живший тогда в Москве Мицкевич находил себе восторженное сочувствие в княгине Волконской, а молодой Веневитинов привязан был к ней всеми силами души. С. П. Шевырев был у нее домашним человеком. Словом, княгиня Волконская была в 20-х годах центром московской умственной жизни. Увлекаемая любовью к изящным искусствам, княгиня отправилась на их благословенную родину – в прекрасную Италию, и с 1829 года навсегда поселилась в Риме, где и скончалась в 1862 году.

Поселясь в самом центре католического исповедания и увлекаясь великолепием и изяществом церковной обстановки, как в художественном убранстве храмов, в течение многих веков воспроизведенном великими итальянскими мастерами архитектуры, живописи и ваяния, так и в блистательных церемониях священнослужения, совершаемого самим владыкою всего католического мира и его многочислен-

ною свитою кардиналов, архиепископов и так называемых генералов всех орденов католического монашества, княгиня Зинаида Александровна по врожденной ей восторженности ко всему прекрасному увлеклась изящными идеями католичества и приняла самое исповедание.

Но, может быть, еще и прежде, проживая на родине, она могла подчиняться наитию и влияниям католических идей.

Еще со времен Петра Великого, в течение всего XVIII века, русское православие, особенно в высших слоях общества, значительно подпало под иноверческие влияния пришлых и водворившихся в России иноземцев. У нас возникли тогда секты иллюминатов, масонов и разных других. На подготовленную таким образом зыбкую почву религиозного блуждания французские эмигранты, спасаясь от гильотины, в конце прошлого столетия принесли к нам с собою изящество французских нравов и католическую пропаганду с подкладкою иезуитской морали. Эти французские выходцы, кавалеры и дамы высшего сословия, бежали в Россию, дочиста ограбленные во время революции, и должны были снискивать себе у нас пропитание в качестве домашних секретарей, гувернеров и гувернанток. В пятидесятых и даже шестидесятих годах мне приводилось еще встречать вельможных старичков и старушек, воспитанных французскими эмигрантами и эмигрантками.

История католической у нас пропаганды подходит близко

даже к нашему времени. В тридцатых годах жил в Москве известный Чаадаев, прозванный «католическим аббатиком»; в 1834 году в Московский университет поступил профессором греческого языка только что возвратившийся из-за границы очень молодой человек по фамилии Печорин (имени и отчества его теперь не могу припомнить). Он пробыл у нас не больше полугода и удалился за границу, где принял католичество и постригся в монахи. В 1874 году в Париже я познакомился с двумя русскими, постригшимися в монахи Иезуитского ордена; это были Мартынов и князь Гагарин, проживавшие тогда в так называемой «иезуитской резиденции», находившейся на Rue du Vas, близ многоэтажного магазина «Au petit St. Thomas».

Католическое увлечение княгини Волконской кажется мне еще извинительным: она по складу своей поэтической натуры пленилась не сущностью католического учения, а его красивой и заманчивой обстановкой.

Когда княгиня покинула навсегда родину и водворилась в Риме, ее друзья из поэтов того времени громко приветствовали ее.

Павлов:

Как соловей на зимние квартиры
Под небо лучшее летит,
Так и она в отчизну сладкой лиры
Воскреснуть силами спешит.

И далеко от родины туманной
Ее веселье обоймет;
Как прежний гость, как гость, давно желанный,
Она на юге запоет.
Там ей и быть, где солнца луч теплее,
Где так роскошны небеса,
Где человек с искусствами дружнее
И где так звучны голоса.
Но здесь и там тропею незабвенной
Она прорезала свой путь:
Где ни была, восторг непринужденный
Одушевлять поэта грудь;
Где ни была волшебница искусства,
Спешили дань ей принести,
И на земле без горестного чувства
Никто ей не сказал: прости!
Ее хранит в странах различных света
И память сердца и ума.
Ах! для чего в Италии все – лето,
И для чего у нас – зима!

Москва. Январь 1829 г.

Баратынский:

Из царства виста и зимы,
Где под управой их двоякой
И атмосферу, и умы
Сжимает холод одинакой,
Где жизнь какой-то тяжкий сон,

Она спешит на юг прекрасный
Под Авзонийский небосклон,
Одушевленный, сладострастный,
Где в кущах, портиках палат
Октавы Тассовы звучат;
Где в древних камнях боги живы,
Где в новой, чистой красоте
Рафаэль дышит на холсте;
Где все холмы красноречивы,
Но где не стыдно, может быть,
Герои, мира властелины,
Ваш Капитолий позабыть
Для Капитолия Корины,
Где жизнь игрива и легка...
Там лучше ей: чего же боле?
Зачем же тяжести тоска
Стесняет сердце поневоле?
Когда любимая краса
Последним сном смыкает вежды,
Мы полны ласковой надежды,
Что ей открыты небеса,
Что лучший мир ей уготован,
Что славой вечною светло
Там заблестит ее чело;
Но скорбный дух не уврачеван:
В груди стесненной тяжело,
И неутешно мы рыдаем.
Так сердца нашего кумир –
Ее печально провожаем

Мы в лучший край и в лучший мир.

Шевырев:

К Риму древнему взывает
Златоглавая Москва
И любовью окрыляет
Хладом сжатые слова.
Древней славой град шумящий!
Приими привег Москвы,
Юной славою гремящий
В золотых устах молвы.
Я в покров твой благосклонный
Доверяю, царь градов,
Лучший перл моей короны,
Лучший цвет моих садов.
Я не с завистью ревнивой
Цвет тебе передала.
Нет! С тоской чадолюбивой
От себя оторвала.
Нежно я его растила
С бескорыстием любви,
На него я расточила
Все сокровища свои.
Но не может, ненаглядный,
Он на севере блеснуть:
Руки матери так хладны,
Льдом моя одета грудь.
Что же делать мне, несчастной?

На чужбину цвет отдать,
Коль не может он, прекрасный,
У меня благоухать.
У тебя светило наше
Льет роскошной теплый свет,
У тебя и небо краше –
Так возьми ж к себе мой цвет
И согрей с любовью нежной
У пылающей груди,
На могилах славы прежней
В нем цветущее блюди.
Только б он, в лавровых сеньях
У тебя красой цветя,
О моих любовных пенях
Помнил, милое дитя.
Сам любуйся на созданье
Наших северных степей,
Но его благоуханье
В сень родную перелей.

Ко всему этому присовокуплю два стихотворения, в которых воспеваает княгиню Козлов, не касаясь, впрочем, ее удаления из отечества:

1

Я – арфа тревоги, ты – арфа любви

И радости мирной, небесной;
Звучу я напевом мятежной тоски, –
Мил сердцу твой голос чудесный.
Я здесь омрачаюсь земною судьбой,
Мечтами страстей сокрушенный;
А ты горишь в небе прекрасной звездой,
Как ангел эфирный, нетленный!

2

Мне говорят: «Она поет, –
И радость тихо в душу льется,
Раздумье томное найдет,
В мечтании сладком сердце бьется,
И тихо, мило на земли,
Когда поет она – милее,
И пламенной огонь любви,
И все прекрасное святее!»
А я, я слез не проливал,
Волшебным голосом плененный;
Я только помню, что видал
Певицы образ несравненный.
И помню я, каким огнем
Сияли очи голубые,
Как на челе ее младом
Вилися кудри золотые!
И помню звук ее речей,

Как помнят чувство дорогое;
Он слышится в душе моей, –
В нем было что-то неземное.
Она, она передо мной,
Когда таинственная лира
Звучит о Пери молодой
Долины светлой Кашемира.
Звезда любви над ней горит, –
И – стан обхвачен пеленою –
Она эфирная летит,
Чуть озаренная луною.
Из лилий с розами венки
Небрежно волосы венчает,
И локоны ее взвевает
Душистой ночи ветерок.

II

Эстетические этюды кн. З. А. Волконской – по обширным ее сведениям в истории искусства и литературы, по глубине и оригинальности мысли и по художественному изложению – не теряют высокого значения и в наше время, а статья о Ниобе и Лаокооне могла бы целиком войти в знаменитое исследование Лессинга: «Лаокоон и о границах образовательных искусств и поэзии».

«*Падуя. 24 мая.* – В Авзонийских горах покоится дух Петрарки. Там он доживал дни, посвященные любви, наукам и поэзии. – Кто сомневается в его страсти к Лауре, тот не видал ни Воклюзы в южной Франции, ни Аркуа в Падуане. Предания о его любви к златовласой авиньонской красавице составляют цепь романтическую и непрерывную. От самых гор, сохраняющих фонтан Воклюзский, источник поэтической страсти, от берегов благоуханной Сории до уединенных плодоносных садов Аркуа раздаются имена Петрарки и Лауры. Жалею о тех, которые в нежных выражениях Севињи к многолюбимой дочери читают приготовленные письма для будущего издания. Сколь обижены природой все те, которые не понимают наречия сердца. *У меня болит твоя грудь,* – пишет мать к больной дочери. Кто в этих словах не поймет неумышленного излияния сердца? Какой прямодушный читатель не увидит отчаянной страсти в стихе Пет-

рарки?

Оставим тяжелые и холодные изыскания историку и археологу. Да и те должны ли легкомысленно отвергать национальные легенды? Ученые! Не разорайте народного богатства, когда ничем не можете заменить его; о том вас просит и отечество, и поэзия. Сам мудрый Герен пишет про ученого Нибура, старавшегося опрокинуть все принятое до сей поры в Римской Истории: „Острота ума не всегда бывает чувство истины“».

«25 мая. – Древним Джиотто, законодателем правильно-го рисунка, расписана *al-fresco* вся церковь, стоящая близ римских развалин арены. Головы, выражения их напоминают кисть Рафаэля и доказывают, сколь часто сей ангел живописи смотрел на сухие, но благородные произведения основателя флорентийской школы. „Последний Суд“ занимает целую стену той церкви: от Бога Саваофа с одной стороны течет на спасенных луч благодати, с другой – луч гнева Господня на осужденных; а Сатана и поглощает, и бросает отверженных в неугасимое пламя. Тут какой-то папа идет на вечное мученье, но, хотя падший, не теряет прежней привычки своего сана земного: он благословляет другого грешного, который стоит перед ним на коленях. Глубокая мысль! Сколь часто благословение руки не соответствует благословению сердца! Сколь часто формы религии отделены от чувства ее, и суть ни что иное, как пустая пелена, содержащая один пепел и кости! Но что чувствительнее, святее искренне-

го, душевного благословения? Оно падает на главу младенца, как роса на нераспушенный цветок; оно залог примирения и прощения, – и под сенью чистого благословения даже целые поколения долго цветут и красуются.

В том же храме вдруг три имени являются памяти: имена Джиотто, Микель-Анджело и Данте. Смотри на „Последний Суд“, кто не вспомнит о фреске пророка-художника? – Предмет один, понятие не то. Между двумя произведениями, которых нельзя сравнить в совершенстве исполнения, мы видим ту же разницу, какая есть между статуями первых времен резьбы греческой и века Фидиаса. Джиотто как-то боится дать слишком много движения своим фигурам. У него люди без страстей, и мудрая рука его рисовала „Последний Суд“ терпеливо, без страха, без порывов. Микель-Анджело, напротив, живописуя тот же предмет, живет и действует в своей картине, – сам протягивает скорую руку спасенным, сам поражает громом преступников, ведет барку Харона и сам ужасается лиц отверженных, явившихся под его кистью. Христа же, чтобы изобразить во всей силе, во всей красоте, он одарил чертами эллинского бога солнца, поэзии и гения. Христос у него походит на Феба. Мысль смелая, но изящная».

«Ниоба, во Флоренции. – Древние нам оставили два мраморных семейства: Лаокоона с сыновьями и Ниобу, гордую мать прекрасного племени. Ниоба стоит под дождем острых стрел; они со всех сторон впиваются в ее сыновей и в доче-

рей; каждая рана на драгоценном теле детей ее ранит глубоко ее душу; и она, подобно бессмертным, стоит нетронутая, и это одиночество ее терзает. Ниоба всех их ищет, зовет, обнимает взглядом, хотела бы всех спасти, за всех погибнуть или составить из роковых стрел для себя и для них одну смертную цепь. О! как бы она предпочла смерть Лаокоона! Он погибает, но вместе с детьми, он страдает за них и с ними; их вопль сливается в один вопль; змеи обвивают всех вместе и узлом вечным стягивают, утверждают их семейные узы. Как море после бури, чело отца еще носит следы ужасного страдания; но в нем попечения и заботы все погасли. А Ниоба в полноте жизни и силы любви все вокруг теряет. Красота и бодрость, которых она чаяла бессмертными в детях, валятся вокруг нее, как легкие цветы, севаемые ветром. Несчастливая! Венец лавровый, которым ты гордо украшалась, привлек на тебя внезапные перуны. Не скрывайся под покровом матери, невинная! Мщение, сладострастная радость бессмертных, тебя и твоих избрало целью их стрел. Серебристый лук, пославший смерть Пифону, теперь натянут на тебя. Богиня ловитвы угощает далекомещущего брата новой охотой; но девы и юноши заменили оленей и кабанов!

Дочь Ниобы! Не взывай к небу: ответ на твою молитву... стрела. Куда бежит сестра твоя? Легкие сгибы развевающегося хитона, как облако обвивающего стан ее, не останавливают ли стрелу? – Нет, взоры лучезарные устремились уже на нее, и она пала пронзенная.

Не поднимай своей руки, не скрывай главы, юноша неопытный! Хоть бы плащ был щит железный – и тут не спасти ему тебя от гнева бессмертных!

Но какая участь ожидает осиротелую мать после гибели детей? – Жить ей нельзя, умереть даже мало...

Живописный и глубокомысленный гений греков вообразил для нее конец, сообразный с ее беспримерным несчастьем; вопль и нарекания долго текли из уст измученной матери, как кипучая лава; но вот все погибло, все молчит, уж стрелы не летят, и гордая Ниоба осталась осиротелою матерью... и замолкла, как погасший вулкан; все волнение, весь жар, весь огонь, все истощено ужасным извержением. Она стоит оцепенелая. Теплая любовь, взоры заботливые, страх и слезы, речи грозные и мука – все исчезло, окаменело. Одна гордость при ней: в образе горы, увенчанной пеплом, Ниоба скрывает в облаках свое пасмурное жерло. Какая участь была бы приличнее для Ниобы? Куда бы ей укрыться от Феба, от троеликой Гекаты? Дни, ночи, вселенная для нее наполнены пронзительными стрелами. Теперь, как курган, воздвигнутый в честь своих чад, она стоит одинокая, бесчувственная, бесплодная... Бедствия Ниобы напоминают мне приключение, случившееся на Черном море, недалеко от Одессы. Живое описание трогательного события раздается еще и ныне в моем сердце. Жена одного консула, окруженная своим молодым семейством, благословляла попутный ветер, надувавший белые паруса и стремив-

ший корабль к желанному берегу. Уж скалы одесские желтелись перед глазами радостных путников; хутора зеленелись, и жизнь многоплеменного города встречала их после долгого странствования по пустынной дороге. Вдруг небо задернулось черною тучею; море посинело и факелы небесные за сверкали вокруг подвижного катафалка, несшего осужденных на смерть... Но мне ли описывать вихри и кораблекрушение? – Арфа барда морей еще звучит над океаном, и эхо всех земель на всех наречиях повторяет его бурные звуки... Предмет моей повести – мать и дети; скажу я с Корреджио: *anch'io son pittore!* (так и я живописец!) – пишу смело. Уже несчастная знает близкую погибель; она выбежала на палубу, и дети за нею: ветер рвется в платьях, в шелковых власах невинных, и лица их поминутно ими застилаются, а мать, устремя на детей прощальный взор, удаляет то одежду, то власы, чтобы ни одна черта любимая не была скрыта от жадных ее взоров. Ужасное движение корабля бросает их на мель; все вокруг рвется, ломается, трещит; везде море, везде смерть; но опять семья соединилась на трясучих досках. Мать взглянула на чад своих, на пропасть, на небо – и в душе ее вдруг раздалось отчаяние, но в той же душе другой голос зазвучал и отвечает любовью, молитвой. Три взгляда на детей, на пропасть, на небо опять помирили ее с покорностью. „Умереть вмевте!“ – кричит она. Но вдруг роковая волна их разлучила; она бежит, ползет, бросается, хватает детей, хотела бы во второй раз запереть их в свое чре-

во. „Умрем вместе!“ – повторяет она, и вот шаль свою длинную сбросила с плеч, обвила ее детей вокруг себя, связала их крепко, опоясалась ими и улыбнулась. До последней минуты, до последней волны она молилась, и бурный мрак и гибель казались ей не страшны. Последние слова ее были: „Мы вместе“. Ее ангелы земные вознесли на небо к ангелам родным и к Матери небесной...»

III

Римская вилла кн. З. Волконской, этот маленький, укромный уголок, затерявшийся в множестве крупных урочищ Вечного города, составляет наибольшую часть целого, а потому прежде всего мне следует обратиться к общему плану Рима в топографическом и, так сказать, в геологическом отношении. Под домами, улицами, садами и пустырями нового, современного нам Рима, от 5 до 10 аршин под землей погребены остатки другого, старого города, который когда-то превращался в развалины, вновь из них перестраивался и опять исчезал под ними. Эти старые остатки, покрытые хламом и щебнем, в течение тысячелетий были заносимы прахом, который творческая сила природы одевала травой и кустарником, и таким образом выростали новые слои почвы для той поверхности, которую представляет план нынешнего Рима.

От всех других городов Италии Рим отличается необозримою массой самых разнообразных интересов, накопившихся в течение тысячелетий в его постоянно реставрировавшихся развалинах и в самой его почве, наслоившейся из монументального щебня разных веков и поколений и потому получившей новый, как бы исторически выработанный, грунт с наносными пригорками и равнинами, на которых теперь разведены сады с виноградниками и построены здания.

Тут и мир античный с драгоценными остатками своих классических сооружений, и до сих пор ясные следы варварских погромов, разрушивших Западную Империю, и подземные катакомбы с самыми ранними памятниками христианского искусства, еще погруженного в античные формы и сюжеты, и средние века с рыцарскими укреплениями и монастырями, прикрытые лоском щеголеватого стиля Возрождения, и, наконец, груды позднейших безобразных построек и надстроек с перестройками, которые для своих нужд и потребностей прилаживали многие поколения к несокрушимым античным стенам и развалинам.

Иное здание стоит на улице как бы в ряду с прочими домами, а своим фундаментом и нижними этажами глубоко уходит под землю; как особого рода исторический хронометр, оно в своих ярусах, нагроможденных друг на друга, воплощает целые исторические периоды и служит как бы видимым измерителем самого времени, которое мало-помалу засыпало щебнем и землей нижние этажи, а на них постоянно создались этажи верхние, новейшие. Так *базилика св. Климента* в своих трех ярусах относится к трем периодам в истории города Рима и к трем пластам его, так сказать, земной коры. Каждый ярус – будто отдельная глава этой истории, отдельная песнь религиозной поэмы, воплотившейся в стены и своды с колоннами, с мозаикой, живописью и скульптурой.

Верхний ярус, на поверхности земли, по времени – последний период истории, последняя песнь поэмы. С мозаич-

ными полами, с древнею мозаикой трибуны и с ранним в церковной архитектуре устройением помоста, огороженного среди церкви для клира, с двумя мозаичными амвонами и мозаичною же пасхальною свечой громадного размера, ярус этот от средних веков и до последнего времени подвергался – как и другие римские церкви – многочисленным подновлениям и разным украшениям. Из этого яруса, спустившись ступеней на двадцать, переходишь в период более ранний, восходящий до V века по Р. Х. Этот второй ярус – громадная подземная базилика, гораздо обширнее верхней. Теперь она имеет вид темного подземелья; древние мраморные колонны заложены стенами, из которых одни голые, другие украшены стенописью X и XI столетий; в углублении – алтари. В IX столетии именно в этот средний ярус, в этот настоящий храм св. Климента, принесли с далекого востока мощи этого святого наши *славянские первоучители Кирилл и Мефодий*. В упомянутой стенописи изображены события из жизни св. Климента и перенесение его мощей, а также лики наших первоучителей. Ниже этой подземной базилики еще – ярус, по времени первый период в истории здания, первая песнь религиозной поэмы. Это – языческий храм, на котором, по общим судьбам истории человечества, должен был возникнуть храм христианский. Можете судить о кромешном мраке этого подземного пространства, в которое спускаются из темного же подземелья второго яруса. Это был храм бога Митры, и некогда стоял на том же уровне, на кото-

ром, как полагают, находились около и палаты самого папы Климента.

Базилика св. Климента стоит недалеко от Колизея. Если из лежащего под нею храма Митры провести горизонтальную плоскость, то она близко совпадет с уровнем первоначальной арены этого амфитеатра, до которой только теперь дорылись аршин на десять под землей, откопав целый ряд нижних арок такого же гигантского размера, как и верхние. Предположив, что храм Митры некогда стоял на открытом воздухе, можно отсюда заключить, сколько исторических переворотов претерпел тот грунт, на котором громоздились сказанные этажи базилики.

Чем глубже под землей, тем интересы Рима строже, величавее. Эти подземные клады, эти исподние пласты из костей человеческих, наслоившиеся от побоищ и кладбищ, имеют характер легендарный, героический, эпический. Но будничная прозаическая жизнь, кишущая на поверхности этих пластов, предъявляет свои права, унавоживая свои огороды в историческом прахе стольких веков и вьет себе теплые гнезда на античных фундаментах и монументальном щебне, которым постепенно осыпались развалины – все равно, языческих ли капищ или святочтимых в легенде храмов древнехристианских великомучеников. Этот живописный анахронизм величавых останков древности и приютившихся под их сенью мелких забот текущей жизни, на каждом шагу бросающийся здесь в глаза, производит то идиллическое впе-

чатление, которое обыкновенно соединяется с представлением о Риме, и которое не успели еще сгладить опрятные и щегольские постройки последних годов: будто любуешься ландшафтом Пуссена с мирными поселянами, которые случайно набрали в своем аркадском поле на старинную мраморную гробницу и с недоумелым любопытством по складам разбирают на ней непонятные для них монументальные начертания, или у нас на Руси где-нибудь в степном захолустье проезжаешь на почтовых мимо села с барским домом, в котором когда-то весело жилось, а теперь стекла в оконницах выбиты, позади заглохший сад, а впереди на заросшем травой широком дворе пасется корова со своим теленком.

Когда новейшие эксплуататоры еще не дерзали своими святотатственными раскопками нарушать царственное спокойствие «вечного города», по всем концам его, и по улицам, и площадям, можно было любоваться идиллическими ландшафтами вроде Пуссена. Так, например, римский форум, в настоящее время разрытый от наносной почвы и щебня аршин на десять вниз до древнего своего помоста, теперь представляет жалкое, карикатурное подобие Помпеи, освобожденной от пепла огнедышащей горы; но за полстолетия назад, когда осень, зиму и весну 1840 и 1841 годов я провел в Риме, вместо этого неприглядного безобразия, римский форум служил жителям города бесподобною прогулкою по длинной и широкой аллее, тянувшейся посреди зеленого луга от Капитолия до Колизея. По лугу паслись ко-

ровы, принадлежавшие обитателям соседних домов, а также виднелись распряженные колымаги, нагруженные боченками. Около на валявшихся обломках античных колонн сидят, бывало, погонщики и жуют черствый хлеб, запивая красным вином; а то на дороге под деревьями стоит развьюченный осел, наострив уши и обмахиваясь хвостом от комаров и мух; не удовольствовавшись этим охранительным средством, вдруг спустится он на колени и, чтобы хорошенько почесаться, опрокинется на спину и начнет кататься по дороге, подымая высоко вверх клубы пыли. В соответствие этим буколическим ландшафтам простой народ называл тогда знаменитый римский форум «Коровьим Полем» (Campo Vaccino), а находящийся с ним в соседстве священный Капитолий переименовал в Campi d'Olio, т. е. Масленные Поля.

Впрочем, я застал уже тогда в Риме только разрозненные остатки той ландшафтности, которая повсеместно украшала его в XVIII. веке. Доказательством этому, между прочим, могут служить гравюры знаменитого Пиранези, громадного размера, числом около сотни. То же свидетельствуют и многие иллюстрированные издания того времени, содержащие в себе путешествия, мемуары, повести и вообще рассказы. Для примера укажу находящуюся в моей библиотеке любопытную книгу под заглавием: «L'e'ducation du jeune comte D. B. ***, ses amours avec Emilie de T*** et ses voyages, selon ses propres me'moires, ou sont recueillis grand nombre d'Histoires, Anecdotes modernes, et Recherches et

Decouvertes d'Antiquites tres curieuses, accompagne'es de plus de cent Estampes des plus beaux Monuments de Rome. Nouvelle Edition, augmente'e d'Observations nouvelles sur les ouvrages de Peinture, de Sculpture et d'Architecture qui se voyent dans cette Capitale du Monde. Par Mr. De Ragenet. A Londres 1765. Chez Moise Chastel et C»¹. Из множества эстампов, украшающих это издание, назову следующие: храм Ромула и Рема с развалиной стены, покрытой кустарником, – впереди стоит деревцо. Наклонная стена, поросшая деревьями. Остатки старинного резервуара с двумя статуями, стоящими в нишах: все покрыто кустарником и травой. Надгробный памятник Кайя Цестея в виде пирамиды; около тянется аллея, позади городская стена с башнями, покрытыми кустарником. Остатки мавзолея Августа: круглое здание, сверху покрытое землей, на которой разбит цветник. Остатки храма Солнца, снаружи обросшие деревьями, а внутри украшенные цветником. Остатки храма Мира, еще гуще заросшие кустарником. Остатки дворца императоров и большого цирка – все вместе представляет ландшафт разнообразного содержания. В таких же ландшафтах стоят термы Антония и мн. др.

---

¹ «Воспитание молодого графа Д. Б.***. Его любовь с Эмилией де Т., его путешествия, в его собственных мемуарах, где собрано огромное число историй, современных анекдотов, весьма забавные исследования и открытия, сопровождаемые свыше сотни гравюр лучших памятников Рима. Новое издание, дополненное новыми наблюдениями о произведениях живописи, скульптуры, архитектуры, которые увидены в этой столице мира мистером де Раквене. Лондон 1765. Мойша Кастель и К». (фр.).

Чтобы понять основную идею римской виллы княгини Волконской и приведение ее в исполнение при помощи тех средств, какими можно было располагать, мне следует сравнительным путем ввести эту виллу в общую систему со всеми прочими подобными же урочищами Рима.

Вилла княгини Волконской состоит из павильона или казино, окруженного садом. Таковы в стенах Рима многие дворцы как крупные, так и мелкие или казино. Напр., вилла Медичи, в настоящее время занимаемая французскою академиею художеств, с большим тенистым садом, примыкающим к знаменитому парку на Monte Pincio; по парку ежедневно расфранченные кавалеры и дамы в экипажах прогуливаются взад и вперед под звуки оркестра музыки, помещенного на террасе ресторана. На Квиринальской горе, на площади Monte Cavallo, названной так по двум колоссальным античным статуям Кастора и Поллукса, с двумя такими же колоссальными конями: перед ними Квиринальский дворец, в котором собирался конклав для избрания папы, в настоящее же время королевская резиденция, с огромным садом. Налево от этого дворца на площадь выходит палаццо Rospigliosi с садом, в котором казино, знаменитое по плафону: его изукрасил Гвидо Рени изображением Авроры, разбрасывающей цветы перед колесницею Феба, сопровождаемого Горами, или нимфами часов, а направо другой сад, спускающийся с горы, который принадлежит дворцу Колонна, находящемуся уже на низменной площади. В вил-

ле Людовизи, пользующейся всемирною славой скульптурного музея со статуями цветущей эпохи греческого искусства, есть также и небольшое казино, на плафоне которого Гверчино изобразил богиню Диану. По ту сторону Тибра, на улице Lungara, к берегам этой реки раскинут обширный сад с апельсиновыми и померанцевыми деревьями, острое благоухание которых далеко разносится и по улице, и даже через реку. В саду вилла, называемая Фарнезиною в отличие от дворца Фарнезе, находящегося на другом берегу Тибра. Казино это расписали Рафаэль и его ученики фресками, изображающими миф об Амуре и Психее, пиршество олимпийских богов, Галатею с наядами и пр. Из дворцов с садами назову еще расположенный по ту сторону Тибра Palazzo Corsini с знаменитой картинною галереею на вершине горы, с которой спускается сад с тенистыми аллеями. Самым высшим проявлением того же типа представляется сад самого папы, поднимающийся по пригоркам к высотам Яникула. Знаменитые бельведеры Ватиканского музея – один с Аполлоном Бельведерским, а другой с Лаокооном – выходят своими окнами и дверьми именно в этой папский сад. Равномерно и монастыри, где позволяла местность, усваивали себе тот же характер усадьбы с садами; так женский монастырь св. Клары при церкви св. Лаврентия in Panis-Perna, где в банях или термах Олимпии был сожжен св. Лаврентий. Теперь этот монастырь переделан в аудитории и химическую лабораторию римского университета, а сад предоставлен профес-

сору ботаники с его квартирою и зданием для лекций. Мужской монастырь св. Онуфрия с кельею, в которой жил Тасс во время своего коронования в Капитолии лавровым венком: сад монастыря расположен на уступах Яникула; в нем дуб, разбитый теперь уже молнией, под которым сиживал обыкновенно Тасс, любуясь на широкую панораму Рима, далеко расстилавшегося у его ног. Точно также и вила княгини Волконской, хотя и внутри города, около бойкой площади Иоанна Латеранского, представляет ландшафтное сочетание казино с нисходящим от него легкой отлогостью садом. Когда смотришь на эту виллу с низменной равнины, павильон княгини Волконской представляется разноцветным букетом от поднимающихся с земли до вершины здания ползучих растений, каковы: плющ, гелиотропы, разные породы роз и шиповника и пр. Такие же ползучие растения оплетают лавровые и кипарисные деревья, которыми обсажены спускающиеся от казино дорожки, так что над головами гуляющих постоянно свешиваются благоуханные ветви роз и гелиотропов. Между разнообразными растениями этого сада можно видеть и античный акант, который послужил грекам моделью для орнаментации коринфских капителей.

Но главное украшение римских ландшафтов составляют античные сооружения: или цельные, или в развалинах. Знаменитый Колизей, теперь очищенный догола от густых кустарников, которыми были покрыты кругом сверху донизу спускающиеся каменные седалища для зрителей, и разрытый

аршин на десять до древнего помоста, за полстолетия назад представлял из себя самый оригинальный и самый живописный, можно даже сказать, самый ландшафтный храм, посвященный памяти христианских мучеников, некогда оросивших своею кровью арену этого здания. В сороковых годах я часто посещал это идиллическое святилище под куполом синего неба. Высоко со всех сторон весело перекликались певчие пташки. Внизу, под спусками вокруг всего Колизея размещено было двенадцать алтарей для священнослужения, а в середине поднимался громадный деревянный крест, может быть, в величину того иерусалимского, на котором был распят Иисус Христос. Другую своего рода живописную редкость представлял античный театр, находящийся на одной из площадей между Капитолием и Пантеоном. Теперь он расчищен от щебня и наносных слоев земли и от построек с пристройками, произведенных в новейшее время для разных потреб, но тогда представлял он единственную в своем роде усадьбу, а именно: снаружи античный театр сохранил свой древний характер, только в нижних частях его были устроены кузницы да еще остерия, в которой можно было позавтракать и напиться кофе; что же касается до внутренности этого здания, то она была превращена в тенистый сад, поднимающийся вверх по грунту земли, плотно улегшейся на бывших некогда каменных скамьях для зрителей, а на самой вершине стоял простенький павильон, в котором проживал владелец этой усадьбы. Замечательное сочетание но-

вейшего сооружения христианского храма с античными развалинами представляет церковь во имя Марии degli Angeli: ее построил Микель-Анджело, воспользовавшись ротондой Диоклетиановых терм или бань и употребив для украшения этого храма античный разноцветный мрамор и античные же колонны. Во вкусе этого архитектурного анахронизма и княгиня Волконская приютила свое маленькое казино под сенью колоссальных арок древнеримского водопровода.

От всех европейских городов «вечный Рим» отличается еще торжественным и роковым обаянием смертной памяти: *memento mori* – мани, факел, фарес! Вся наслоившаяся многими столетиями римская почва переполнена тлением костей человеческих и полита кровью в течение многих и многих поколений. Сначала утучняли эту почву язычники-римляне и северо-восточные варвары – гунны, авары, готфы, потом сотни и тысячи христианских мучеников, погребенных в катакомбах, которые простираются и разветвляются подо всем нынешним Римом. Пилигримы ходят, на Восток поклоняться Гробу Господню в Иерусалим и на Запад великомуученикам, погребенным в римских катакомбах.

Вообще католики любят украшать свои кладбища. Древнейшее из них – в Пизе; оно окружено со всех четырех сторон портиками, стены которых изнутри расписаны фресками учеников и последователей самого Джотто, а земля для погребения привезена из Иерусалима во времена крестовых походов. Особенным великолепием отличается

Campo Santo' в Болонье в виде высоких и светлых галерей, роскошно украшенных мраморными мавзолеями и группами статуй. Охота итальянцев изукрашивать кладбища доходит иногда до самых причудливых и фантастических крайностей. Таково, например, кладбище в монастыре капуцинов, что на площади Барберини в Риме. Для погребения монахов отведена «Божия нива» в подземелье, освещенном с одной стороны небольшими оконцами, бросающими в него сверху скудный просвет. Середину этого склепа занимает земля, в которой хоронят монахов, а вокруг трех стен аршина на два от земли тянется сплошной каменный балкон. На нем рядышком стоят скелеты, одетые в капуцинские рясы; черепа их покрыты капучами, по обычаю монахов этого ордена. Стены и свод этого подземелья украшены фантастическими арабесками тоже из человеческих косточек и костей. Четвертый балкон предназначен для прохода. Для наполнения этого собрания страшных гостей с того света, принято было следующее правило. По истечении известного срока, когда на погребенном теле очистятся кости от истлевшей плоти, скелет вынимается и, одетый в монашеский костюм, ставится на свое место, а пустая могила замещается новым мертвецом, который со временем дождетя очереди украсить своим присутствием эту необычайную театральную сцену. Так и княгиня Волконская превратила свой сад и казино в настоящую «Божью ниву» или Campo Santo², обста-

---

² Кладбище (ит.)

вив все аллеи по обеим сторонам монументами, собранными из обломков античных пьедесталов, капителей, колонн, архитравов и других частей римского сооружения. Только это монументы не надгробные, воздвигнутые не на прахе покойников, а, так сказать, поминальные, т. е. в воспоминание о незабвенных особах: о родных и друзьях, а также о лицах, дорогих сердцу в этом оригинальном пантеоне.

Как повсюду в Риме под верхними наружными слоями почвы погребены древнейшие с останками языческого римского происхождения, так и в вилле княгини Волконской, помимо тех памятников, есть древнее подземное, уже настоящее кладбище, т. е. колумбарий, о котором упомянуто выше.

Нет ни одной страны во всей Европе богаче Италии и особенно Рима монументальными надписями. От языческих времен остались этрусские и разные другие, а в Риме – древнехристианские в катакомбах. Те и другие во множестве собраны, объяснены и изданы специалистами. Потом, следуя древнеримскому обычаю, и папы вознамерились увековечивать свои великие и малые подвиги надписями, которыми испещрены стены публичных зданий и церквей, – надписями как снаружи, так и внутри: такой-то папа повелел построить или украсить этот дворец или эту базилику, соорудить такой-то городской фонтан, расписать стены здания фресками и пр. Так и княгиня Волконская снабдила все монументы своей виллы надписями, которые сама сочиняла. Надпи-

си эти и составляют главный предмет моего рассказа.

IV

Но прежде чем обращусь к этим надписям, я должен привести описание самой виллы кн. Волконской, сделанное в 1831 г., т. е. за срок пять лет до зимы 1874 и 1875 годов, когда я впервые познакомился с этою виллою и для памяти списал все надписи с памятников, ее украшающих. Профессор Московского университета и мой дорогой наставник, С. П. Шевырев, до вступления на ученое поприще был приглашен княгинею Волконскою в Рим, в качестве преподавателя к ее сыну. Вскоре по водворении своем в «вечном городе» Шевырев написал 10 октября 1831 года следующее письмо А. В. Веневитинову, брату известного поэта и любимца кн. Зинаиды Александровны³.

«Мы теперь здесь собираем виноград в винограднике княгини. Ты требуешь ему описания – постараюсь. Этот виноградник находится при подошве древнего холма Целийского, недалеко от церкви Св. Иоанна Латеранского. Он разделяется пополам арками Клавдиева водопровода. Эти арки, словно рамы, вмещающие все лучшие картины Рима и окрестностей. Это живая галерея ландшафтов. Среди водопровода возвышается казино башнею, где княгиня отдала несколько прекрасных комнат. Из этой башни есть выход

---

³ За доставление этого письма приношу живейшую благодарность Михаилу Алексеевичу Веневитинову.

на водопровод, вдоль которого можно гулять, но я не поведу тебя туда. А пойдем лучше еще повыше на террасу башни под шатер, княгинею устроенный, – и тут открывается тебе огромная панорама! Сначала взгляни около себя. Вот перед входом в башню, где мы стоим, четвероугольный дворик, обнесенный портиком или по-русски навесом с кровлею виноградной. Тут, под десертом над головами, нам накрывают на стол. Видишь, там под навесом маленький человек в сюртуке, с книгой в руках, декламирует стихи итальянские: твой друг Степан Петрович. Вот у стола сидит Марья Александровна; возле нее князь Александр Никитич, после занятий в Риме пришедший пешком – отдыхает; около него Долинька (новая собака) и Трезор виляют хвостами. Внизу, у лестницы Владимир толкует с архитектором или с виноградарем, т. е. с виньеролом. Но где же княгиня? Где княгиня? – Обернись! Видишь, вдоль арок, из коих многие обвиты плющом, идет большая дорога: это будущая „аллея друзей“. Княгиня тут суетится и готовит для них тень, сажает деревья, отдыхает, любитесь видами. Вот отсюда она пошла в „аллею воспоминаний“, где она воздвигает памятники всему утраченному милому. Вот она скрылась в кустах виноградных и в орешнике. Потом поворотила и остановилась – полюбоваться сосною виллы Альтиери; идет далее и останавливается против храма Марии Медики, вблизи видного; вот проходит арка – обернись: княгиня стоит против церкви Santo Croce in Gerusalemme и смотрит на горы Альбы, – вот идет

еще и останавливается против Иоанна Латеранского – и, совершив свое гулянье, проходит под своды арок или гrotтов: заходит в гrotт Фавна или в свой гrotт-альбом, читает надписи друзей, или сама пишет, радуется вновь открытому виду... Но взгляни теперь на панораму. Окинь взор поближе: твое зрение утопает в огромном саду яркой виноградной зелени, по которой разбросаны развалины и стены Рима: тут возвышается зонтообразный конус виллы Альтиери из миртового лабиринта; там Минерва Медики с полуобвалившимся сводом, здесь *porta Maggiore* с архитравом из кустарника, тут стройная фасада *San Giovanni Laterano*. Окинь взор далее: тут идут стены и теряются в загибах, там тянутся, рвутся и уходят в поле водопроводы; вон белеет круглая гробница Цецилия Метелла; вон вся *via Appia*, в старину уставленная гробницами; вон Колизей с своими прозрачными сводами, вон церковь *Santa Maria Maggiore* о двух главах; вон какие-то две сквозные готические башенки; но взор твой теряется далее и далее. Упрись в небосклон и осмотри теперь все четыре стороны: к востоку взор, разбежавшись по обширному и ровному полю римскому, усеянному трупами зданий, останавливается на синих отлогих горах Альбы; по ним белеют: Альбано, недалеко лежащее от древней Альбы, Кастель Гандольфо, Марино, Гротта-Феррата, Фраскати, Монте Порцио, отчизна Катона, Росса *Carpiola* и пр. Над всем же возвышается *Monte Savo*, где древле был храм Юпитера Латинского, или Ида *Virgiliева*, на коей в облаках заседал Юпи-

тер. К югу взор твой через стены Рима – множество развалин и гробниц стелется по ровной степи – и иногда в самый ясный день у края небосклона остановлен яркою полосой луча солнечного: это море. К северу огромное поле и амфитеатр Апеннин. От Monte Porzio и Rocca Capriola проведя взор, уткнешься в древний Пренесте, славный храм Фортуны, а ныне в Палестрину. Вот Тиволи ушло в горы: оттоле выбегает Анио. Это уж Сабина. За нею виднеются Аbruццы, осенью и зимой покрытые снегом. Следуй этим горам и дойдешь до одинокого Соракто, который на суше поднимается, как Капри из моря. Наконец к западу видишь Рим – теряешься в зданиях, но тебя сосредоточил купол Св. Петра – этот герой Рима, неизбежный, которого отовсюду видно, как героя в образцовой трагедии. Когда за ним заходит солнце – как он воздушен! Весь Рим кажется легкий, прозрачен, как видение! Как хороши эти сосны, эти эфирные своды на горизонте: они так легко обрисованы! Погуляй еще глазами по зданиям Рима, коих линии столь приятны. Останови их на Колизее, сквозь арки которого лучи солнца натянуты, как струны. Погуляй по Monte Pincio, под соснами виллы Боргезе. Но вот солнце зашло, Рим потух, потемнел, а горы еще пылают, вершина Monte Savo золотится: все цвета слиты в горах... Ну, будет тебе гулять; я слишком романичествую. Ты уж надо мною смеешься, но еще в Италии век этому не прошел».

V

Обращусь теперь к надписям, которые начертала сама княгиня Зинаида Александровна на вышеупомянутых монументах, помещенных в «аллее воспоминаний», или друзей, как она любила называть эту аллею.

Античные монументы с надписями стоят между деревьями, в их тени, частью между лаврами, частью под кипарисами, и все имеет вид домашнего Campo Santo, или кладбища, а вместе с тем представляется и простым садом, украшенным античными мраморными фигурами, как обыкновенно украшались старинные сады статуями олимпийских богов и богинь.

Вот перечень надписей в последовательном их порядке:

1. Императору Александру I.

Императрице Елизавете Алексеевне:

И в памятнике сем тебя не разлучим,
В царицах идеал: минутная вдовица.
Как плющем, обвилась тобой его гробница,
Как тень его, ты улетела с ним.

2. Императрице Марии Феодоровне: «Благодарим!»

«Les jeunes filles, dont elle e'tait la protectrice, repe'taient en

pleurant: qui nous benira a notre entree dans le monde?»⁴

3. *А. С. Пушкин. Е. Баратынский. Жуковский.*

4. *Благодетельному деду и нежной бабушке, Якову Афанасьевичу и Марии Дмитриевне Татищевым:*

«Ils ont transmis sur nous la tendresse qu'ils avaient pour leur fille chérie»⁵.

5. *A. Goethe:*

«Il fut l'aureole de sa patrie»⁶.

В объяснение этой надписи привожу следующую статью княгини Зинаиды Александровны о Веймаре:

«Удаляясь от пантеона великих писателей германских, моя душа исполнена чувствами благоговейными. Все там дышит наукой, поэзией, размышлением и почтением к гению. Гений там царствует, и даже великие земли суть его царедворцы. Там я оставила Ангела, проливающего слезы на земле... Там я посетила Гёте. Такого всеобъемлющего поэта можно сравнить с старинным, изящным, многолюдным

---

⁴ «Девушки, которым она покровительствовала, плакали: кто нас благословит при выходе в свет?» (фр.)

⁵ «Они передали нам нежность, которую испытывали к своей дорогой дочери» (фр.).

⁶ «Он был сиянием своей страны» (фр.)

городом, где храмы светлого греческого стиля, с простыми гармоническими линиями, с мраморными статуями, красуются возле готических церквей, темных, таинственных, с прозрачными башнями, с кружевной резьбой, с гробницами рыцарей средних веков. В городе старинном все живо, важно, незабвенно: памятники, книги, здания, мавзолеи рассказывают векам о героях, о великих мужах. В городе изящном все действует, все царит; ученые углубляются в архивы всех времен; художники воображают, животворяют; поэты, смотря на вселенную, упиваются вдохновением и пророчат. В городе многолюдном страсти кипят жизнью; там все звуки раздаются, там звучат арфы, металлы, гимны, псалмы, народные припевы, страстные песни – и все звуки сливаются и восходят, как жаркие, благоуханные пары. В образе сего идеального города я вижу Гёте векового. Над городом блещут эфирные звезды и на челе старца горят звезды неугасимые...»

6. *A. Walter Scott*

«*La douce lampe de nos veilles s'est eteinte*»⁷.

Тонкий эстетический вкус княгини Волконской оценил здесь высокое значение исторического романа, созданного и художественно разработанного этим английским писателем.

---

⁷ «Мягкая лампа наших сумерек угасла» (фр.)

7. *Дмитрию Веневитинову.*

«Как знал он жизнь, как мало жил!»

Взято из стихотворения: «Поэт и друг» самого Веневитинова:

Мне сладко верить, что со мною
Не все, не все погибнет вдруг,
И что уста мои вещали –
Веселья мимолетный звук,
Напев задумчивой печали –
Еще напомнит обо мне,
И сильный стих не раз встревожит
Ум пылкий юноши во сне,
И старец со слезой, быть может,
Труды не лживые прочтет.
Он в них души печать найдет
И молвит слово состраданья:
«Как я люблю его созданья!
Он дышит жаром красоты,
В нем ум и сердце согласились,
И мысли полные носились
На легких крыльях мечты.
Как знал он жизнь, как мало жил!»
Сбылись пророчества поэта,
И друг в слезах с началом лета
Его могилу посетил...
Как знал он жизнь, как мало жил!

Веневитинов умер в 1827 году, всего 21 года от роду. На могильной плите его в московском Симоновом монастыре помещен тот же стих:

«Как знал он жизнь, как мало жил!»

8. *A. Adrien Boildieue*

Знаменитый французский композитор конца прошлого и начала нынешнего столетия. Сочинил несколько опер, из которых иные имели огромный успех, какова, например, «Калиф Багдадский», выдержавшая восемьсот представлений. У нас не только в столицах, но и по губернским городам ее давали на публичных и частных театрах. В начале тридцатых годов, будучи гимназистом, я сам величайшим восторгом слушал ее в пензенском театре г. Гладкова. Буальдьё посетил и наше отечество и, будучи обласкан императором Александром I и восторженно принят русскою публикою, пробыл в Петербурге целые семь лет с 1803 до 1810 года. Княгиня Зинаида Александровна Волконская, страстно любя музыка и владея прекрасным голосом, брала уроки у Буальдьё и в знак благодарности поместила имя своего наставника на одном из памятников своей аллеи воспоминаний или друзей.

9. *A. baron Stein.*

10. А. Байрон. «Implora pace».

Да, эта горделивая, неукротимая и озлобленная душа должна была умиловать небо, чтобы оно ниспослало ей покой; но Байрону не суждено было обрести этой благодати в течение всей немногочисленной своей жизни. Как княгиня Волконская, и он бежал из своего отечества, сначала поселился близ Равенны в своем замке, принимая участие в заговоре карбонариев и поместив склад их оружия в своем замке, а потом бросился в Грецию, когда там открылась война за независимость, и наконец нашел себе вечный покой, внезапно скончавшись в Мессолунги.

Как симпатично отзывалась кн. Волконская о Байроне, можно судить по следующим словам ее:

«Венеция, некогда гордая невеста Океана! Сколько раз взоры мои обнимали твои лагуны, острова и гармонические здания! Как часто я летала по твоим каналам и мечтала видеть в черных продолговатых гондолах то дни прошедшей твоей славы, то образ скоротечных ночей итальянских! Волны морские могут залить тебя, твои дворцы, твои храмы, смыть радужные краски Тициана, но имя твое. Венеция, звучит на золотой лире Байрона. Стихи великого поэта есть неприступный, неразрушимый пантеон».

11. *Сестре Лизе Чернышевой.*

«Однажды она видела нашего отца в облаке: он ее звал –

она не замедлила». – «Elle essaya des amours de la terre, mais elles n'etaient pas assez pures pour un ange»⁸.

12. *Петру Дмитриевичу Еропкину.*

«Heureux le citoyen, qui peut dire: – J'ai sauve' ma ville natale. 1771»⁹.

Намек на неусыпные заботы его в качестве московского градоначальника о жителях столицы во время чумы.

13. *Князь Александр Михайлович Белосельский.*

«Отцу, другу, наставнику». – «J'ai vu sous son toit des malheureux consoles, des artistes, des poetes, des savants fete's et caresse's, des e'trangers accueillis, comme des freres, des serviteurs soigne's et heureux. Ses paroles e'taient e'loquentes; ses actions ge'nerieuses et pures. Heureuse la famille, qui l'appelait son pere»¹⁰.

14. *Княгине Варваре Яковлевне Белоселъской, незнакомой и обожжаемой матери.*

---

⁸ «Она испытывала земную страсть, но она не была недостаточно чиста для ангела» (фр.)

⁹ «Счастлив гражданин, который может сказать: Я сохранил мой родной город. 1771» (фр.)

¹⁰ «Я увидела под его крышей несчастье столики с консолями, артистов, поэтов, веселых и ласковых ученых, иностранцев, встречали, как братья, холеных и счастливых. Его слова были красноречивы; его поступки благородны и безупречны. Счастлива семья, которая называла его своим отцом» (фр.)

15. *Кормилице Софье.*

«Je me suis assise sur ses genoux. J'ai caresse ses cheveux blancs et n'ai pas connu celle qu'elle a nourri de son lait»¹¹.

16. *Сестре и другу Наталье Лантевой.*

«Ты и здесь любила гармонию, а там она бессмертна, как душа». – «J'ai trop d'ame – disait-elle – pour vivre longtemps! – et a vingt trois ans elle reposait dejadans l'humide terre»¹².

17. *Петру, Кольмару и Пармену, верным слугам моего отца.*

Когда княгиня Зинаида Александровна скончалась, ее сын к этим монументам прибавил ее собственный с следующей надписью:

A la princesse Zene'ide Volkonsky.

«Elle dedia le souvenir de cetteallee a la pie'te filiale, a la reconnaissance, a l'amitie. Le meme hommage est offert a sa chere memoire»¹³.

---

¹¹ «Я сидела на коленях. Я гладила ее белые волосы и не понимала того, что она кормила молоком» (фр.)

¹² «У меня слишком много души – сказала она, – чтобы жить долго! – В двадцать три года она уже лежала в сырой земле» (фр.)

¹³ О княгине Зинаиде Волконской: «Она посвятила воспоминания об этой аллее с дочерней любовью, с благодарностью, признанием. То же почтение явлено

16 октября 1895 г.